

Глава 6. Бизнес

Е Ишу любил чистоту и часто мылся. Воду грела мать, дрова рубили они с отцом. Летом жарко, и горячей воды нужно было немного. Но даже так, каждый раз, когда он мылся, бабушка за спиной ворчала. Е Ишу привык и не обращал внимания.

Вымывшись, он вспомнил о ткани, которую, по словам Доумяо, забрала бабушка. Ткань была из тонкого хлопка, он купил её, чтобы сшить одежду для всей семьи. Дело было не в том, что Е Ишу был скуп, просто у его семьи одежда была из грубой пеньки и холста, в то время как у деда, бабушки, Младшего дяди и его семьи было по несколько нарядов из тонкого хлопка. Их покупала бабушка на праздники, и им, старшей ветви, никогда ничего не доставалось.

Время было позднее. Родители и дядя уже погасили свет. В маленьком дворике, обнесённом плетнём, лишь из окна центральной комнаты пробивался тусклый свет.

Вылив воду после стирки, Е Ишу повернул и направился туда. Подойдя к двери, он уже занёс руку, чтобы постучать, как вдруг услышал голос Младшего дяди:

— Мама, поверь мне. Мой друг в уезде говорит, что это очень выгодное дело. Он уже дважды провернул сделку, и его двадцать лянов серебра превратились в сорок.

— Дай мне подумать.

— Мама...

Поднятая рука Е Ишу опустилась на дверь. Раздался стук. Люди внутри замерли, как мыши при виде кошки. Е Ишу постучал снова.

— Хватит, хватит, что за похоронный стук! — Ли Сынян распахнула дверь. Увидев Е Ишу, она не скрывала своего недовольства.

Взгляд Е Ишу скользнул с Младшего дяди, стоящего спиной к двери, на Ли Сынян. Та ничуть не смутилась и, напротив, с вызовом прикрыла дверь, заслоняя своего младшего сына.

Е Ишу усмехнулся.

— Бабушка, я пришёл за своим.

— Что тут твоего! — холодно бросила Ли Сынян.

— Вы старенькая, забывчивость — дело обычное, — сказал Е Ишу. — Тогда я напомню. Целый

отрез тонкой синей хлопковой ткани, что так долго у вас лежит, не пора ли вернуть?

— Что значит «твой»? Это твоя мать мне в знак почтения подарила! — сказав это, она попыталась захлопнуть дверь.

Е Ишу упёрся рукой в дверь. Улыбка сошла с его лица, и взгляд стал ледяным. Он лишь слегка надавил, но Ли Сынян, как ни старалась, не могла закрыть дверь.

— Бабушка, — лениво протянул он, — у вас и впрямь наглости не занимать!

— Ты! Ах ты, выродок...

— Кхм-кхм! — из-за двери раздался нарочитый кашель Е Кайляна. Кто знает, кого он предупреждал — Ли Сынян или... скорее всего, хотел, чтобы он отступил и оставил ткань им.

Е Ишу убрал руку. Дверь с грохотом захлопнулась. Он не спешил. Скрестив руки на груди, он прислонился к двери и громко крикнул:

— Эй, добрые люди, идите сюда, посмотрите...

— Замолчи! — дверь с треском распахнулась, и на пороге появился его дед с перекошенным от злости лицом.

Е Ишу отступил на два шага.

— Дедушка, слюни.

Е Кайлян задрожал от гнева, и его грозный вид тут же померк.

— Из-за какого-то куска ткани ты...

— Да! Из-за какого-то куска ткани. У вас с бабушкой по несколько нарядов из тонкого хлопка, у Младшего дяди с Младшей тётушкой и у Е Цзиньбао — тоже. Я не говорю о вашей предвзятости, но когда я на свои деньги покупаю ткань, чтобы сшить хорошую одежду для своих родителей, бабушка видит это и, просто сказав, что это в знак почтения, забирает себе. Дедушка... — улыбка Е Ишу не коснулась глаз, — в вашей предвзятости тоже должна быть мера.

Грудь Е Кайляна вздымалась от гнева. Ли Сынян оттолкнула его.

— Твоя мать сама мне её отдала, не веришь — позови её! — злобно крикнула она.

От шума вышли его родители. Но Е Ишу не хотел втягивать их в это, чтобы они не расстраивались.

— Хорошо, — холодно усмехнулся он. — Забирайте силой. Завтра я не пойду в горы, а сяду у ворот деревни и расскажу всем дядюшкам и тётушкам...

— Ах ты, ублю...

— Отдай ему! — рявкнул Е Кайлян.

Злость Ли Сынян поутихла, но отдавать ткань она всё ещё не хотела. Лицо Е Кайяна потемнело, как туча.

— Отдай ему, — повторил он.

— А-Шу... — подошли родители, за ними и Доумяо.

Е Ишу знаком велел Доумяо увести их, чтобы они не ввязались в перепалку и могли спокойно спать ночью. Доумяо был сообразительным. Он ловко потянул родителей за собой. Видя, что они не идут, он хитро соорудил гримасу и, схватившись за живот, закричал: «Ой, больно!» Родители тут же в панике перепугались, и Доумяо, воспользовавшись моментом, быстро увёл их в комнату.

В центральной комнате Ли Сынян, на которую накричал муж, притихла. Но в душе она ненавидела Е Ишу до скрежета зубного. Как ни старалась, она больше не могла изображать к нему расположение. Она полезла в сундук и достала нетронутый отрез ткани. В сердцах она подумала: «Надо было сразу же, как принесла, начать шить одежду. Теперь отдавать — сердце кровью обливается». Этот кусок стоил несколько сотен вэней!

Подойдя к двери с тканью в руках, Ли Сынян со злостью швырнула её на улицу. Е Ишу, видя её полный отвращения взгляд, поймал ткань. Он был рад, что бабушка перестала притворяться. Так ему было не так противно с ней общаться.

Когда он уходил, дверь за его спиной с грохотом захлопнулась. Изнутри донеслись ругательства. Е Ишу, потеряв ухо, с тканью в руках направился прямо в комнату родителей. Дверь восточной пристройки была плотно закрыта. Он мельком взглянул на западную — там дверь была приоткрыта. Опять подглядывают. Когда-нибудь он купит дом и съедет.

Он повернулся и толкнул дверь. Она была заперта изнутри. Он постучал.

— Откройте.

Внутри что-то загремело, и на пороге появился маленький Доумяо. За ним с тревогой смотрели родители.

— А-Шу, — тихо позвала его мать, Ши Пулю.

Встретившись с их обеспокоенными взглядами, Е Ишу сказал:

— Ничего страшного.

Протянув ткань матери, Е Ишу погладил Доумяо по пушистой голове.

— Молодец, но способ неправильный. Ты сказал, что живот болит, и напугал родителей.

Доумяо хихикнул и, потирая ушибленную отцом задницу, скромно ответил:

— Так себе. В следующий раз придумаю что-нибудь другое.

— Ещё чего! — Е Чжэнкунь замахнулся, чтобы отшлёпать его.

Доумяо, съёжившись, спрятался за спину брата и обиженно надул губы.

— Это же брат велел, а вы его не ругаете.

Взгляды родителей тут же переключились на Е Ишу. Тот вытащил мальчишку из-за спины и взъерошил ему волосы.

— Дети должны расти, иди спать.

— Ладно... — Доумяо отпустил ногу брата и послушно забрался на кровать.

Е Ишу ногой придвинул себе табуретку и сел. Увидев, что мать вернулась, положив ткань, он сказал:

— Мама, если у тебя нет времени шить, я попрошу вторую двоюродную бабушку.

Раньше они уже просили её, и это стоило всего нескольких вэней. К тому же, он был близок с семьёй второго двоюродного деда, а отношения нужно поддерживать. Он боялся, что, когда его не будет дома, родителям некому будет помочь.

— Я могу, могу, — поспешно ответила Ши Пулю.

— За пределами нашей восточной пристройки делай только свою работу. Если не твоя очередь, а Младшая тётушка не шевелится, не берись за её дела, поняла? — сказал Е Ишу.

Ши Пулю, видя, как сын беспокоится о ней, чувствовала и тепло, и горечь от собственной беспомощности.

— Я... я постараюсь, — пробормотала она.

Е Ишу знал, что мать не изменится в одночасье. Но раз она не ответила сразу согласием, а сказала, что постарается, значит, она задумалась.

Наставив мать, Е Ишу повернулся к отцу:

— Папа, я слышал, как Младший дядя снова просил у бабушки денег на бизнес. Присматривай за ним. Если он принесёт домой какие-нибудь бумаги и попросит тебя поставить подпись, не делай этого.

— Я знаю, — Е Чжэнкунь своей огромной, как лопата, ладонью потрепал сына по волосам. — Я всё знаю, я тебя слушаю. Уже поздно, иди отдыхай.

Увидев, что отец его услышал, Е Ишу улыбнулся и ушёл в свою комнату.

Снаружи стало тихо. Е Ишу завалился на кровать, обнял одеяло и, повертевшись несколько раз, погрузился в сон. В соседней комнате Доумяо тоже уже спал. А Е Чжэнкунь и Ши Пулю, прижавшись друг к другу, тихо перешёптывались.

— Сын так много работает, а потом ещё и о нас беспокоится. У меня сердце болит.

Е Чжэнкунь сжал руку Ши Пулю.

— У меня тоже.

Ши Пулю, опустив глаза, с тревогой проговорила:

— Но сын разозлил свекровь...

— А-Шу вырос, у него свои взгляды. Мы не будем его ограничивать, пусть живёт, как хочет. Что до матери, главное, чтобы он сам не страдал.

— Да! Главное, чтобы не страдал, — Ши Пулю, услышав слова мужа, успокоилась. — Но... пора бы уже и о свадьбе подумать. Свекровь молчит, а наш А-Шу не может, как мы, до двадцати лет ждать.

— Да, пора, — серьёзно ответил Е Чжэнкунь.

На следующий день, на рассвете, когда петухи пропели свои утренние песни, семья Е уже убрала весь рис с полей. Теперь он лежал под навесом, ожидая, когда выглянет солнце, чтобы можно было расстелить его во дворе и просушить перед тем, как убрать в амбар.

Утром было прохладно и сыро. Е Ишу вышел из дома, и в нос ему ударил свежий, пьянящий аромат риса.

Сегодня Е Ишу собирался в горы. Вообще-то, он хотел отпраздновать день рождения матери, но в крестьянских семьях это было не принято. Поэтому он и купил ту серебряную шпильку в знак своего почтения.

Он собирался уйти сегодня, а вернуться вечером или на следующий день, потому что нужно было везти мать в деревню Шанчжу к лекарю.

Небо на востоке только начало светлеть. На тыквенных листьях, обвивавших плетень, блестели капли росы. Е Ишу потянулся, вдыхая сладковатый свежий воздух, а затем пошёл умываться.

Мать встала ещё раньше него и уже приготовила ему в дорогу лепёшки. Войдя на кухню, Е Ишу почувствовал запах лепёшек из бобовой муки. Утром у него не было особого аппетита, но аромат дразнил. Его мать, хоть и выглядела худенькой и маленькой, готовила отменно. Иначе бы за столом не съедали всё дочиста.

— В котле есть горячая вода, не трогай холодную, — сказала Ши Пулю, увидев его. На её лице, как всегда при виде сына, появилась улыбка.

— Мама, ещё даже не осень.

— Осень уже давно наступила, — ответила она.

Е Ишу вышел с деревянным тазом и чашкой, встал у жёлоба во дворе, набрал в рот воды, прополоскал и выплюнул. Жёлоб вёл к канаве за плетнём, и грязная вода сразу утекала.

Когда он закончил умываться, проснулись и остальные члены семьи.

<http://bllate.org/book/13660/1581673>